

В постиндустриальную эпоху развитие страны зависит от экономического и научно-технического потенциала, а значит, и от уровня культуры и образования, степени демократии и открытости и в целом уровня развития гражданского общества. При этом особую роль играют дифференциально-качественный состав населения, различия социально-экономического, культурного уровня отдельных слоев общества. Автор рассказывает о ситуации, сложившейся в российской культуре в условиях тотальной коммерциализации, на примере джазовой музыки.

Близок ли закат отечественной музыкальной культуры?

С. А. БЕЛИЧЕНКО,
кандидат искусствоведения,
директор Сибирского института джаза,
Новосибирск

Стоит только в России прийти к власти трезвым и разумным людям, как в мире появится второй полюс.

Экономист. Лондон, 2002

Как бы я ни убеждал себя, что убить в людях любовь к искусству звуковой гармонии нельзя, но – увы – мы опять в России, как некой антиподной стране, доказываем, что и это вполне возможно: смерть музыкального искусства.

К середине 90-х годов, когда стали явными негативные стороны российских экономических реформ, которые по сути разрушили создаваемый десятилетиями фундамент отечественной художественной культуры, во многих крупных городах РФ творческая, в том числе музыкальная интеллигенция встала перед проблемой «что делать?». Дело в том, что деятели культуры и искусства, за весьма редкими исключениями, не участвовали в беспрецедентном даже для мировой истории грабеже государственной собственности. Вакханалия криминальной и полукриминальной приватизации их не коснулась, многие из них вообще не понимали, что происходит за кулисами театра под названием «экономические реформы». Когда же первый и основной этап преобразований завершился и занавес театра распахнулся, обнажились пустые, грязные, оскорбляющие взор кулисы. Мизерное государственное финансирование культуры и искусства, отказ властей от вразумительной культурно-просветительской политики, переключение ориентиров общества на проблемы обогащения, скорого, нецивилизованного, откровенно хищнического (а кто его знает – может быть, это последний шанс граждан страны выжить?!) выкинули людей искусства на обочину жизни. При этом, по словам чудесного пианиста Михаила Плетнева, в России «за истекшие семьдесят с лишним лет в сфере культуры произошло много нежелательных изменений и перемен – как видимых, так и невидимых... Затронутым оказался наш национальный “генофонд”, наш морально-этический творческий потенци-

© ЭКО 2007 г.

ал. Было уничтожено, истреблено многое из того, что составляло гордость русской культуры».

В условиях диктата дикого рынка проблематичным стало выживание даже академической музыки. Еще великий Дмитрий Шостакович утверждал, что «...как всякое искусство, музыка не может развиваться вне общественного внимания, поддержки. Она мертвеет, когда замыкается в узких цеховых интересах. Музыка нужен простор общественной жизни, чтобы иметь возможность воздействовать на миллионы людей».

Социоэкономические причины вероятной смерти культуры

Почему же культура оказалась в положении аутсайдера?

Сейчас можно отчётливо говорить о существовании институтов, сформировавшихся в процессе присвоения и перераспределения национальных богатств страны и оказывающих определяющее влияние на социально-экономическую дифференциацию населения. В условиях недостаточно развитого гражданского общества они ведут к усилению социально-экономической дифференциации населения и способствуют саморазрушению экономической системы. За 15 лет так называемого переходного периода существовавшая в СССР дистанция между богатыми и бедными не только не сократилась, но многократно возросла. Теперь разрыв в доходах между рядовыми работниками и новой российской номенклатурой увеличился в десятки и даже в сотни раз.

Вопиющая разница в доходах разделяет группы людей (которые уже смело можно называть кастовыми объединениями) по физиологическому неравенству (у одних – полноценное, у других – качественно худшее питание, временами просто недоедание, разные места и система отдыха, медицинское обслуживание), что в дальнейшем приведёт к неравенству биологическому! Спесь и чванство новых аристократов, пренебрежение к рядовым людям напоминают средневековые времена. Их семьи живут и учатся за границей, там же находится их недвижимость, там же делаются инвестиции, там же они лечатся, отдыхают и удовлетворяют свои духовные по-

требности. Поэтому художественная культура России никого не волнует, равно как и судьба их родины.

Разумеется, художественно-культурные потребности у этой касты, коренным (генетическим) образом отличаются от общепринятых в мировом сообществе. Так называемые российские «господа» — это естественные плоды примитивной советской пролетарско-городской субкультуры. Натуральные господа, сформированные отлаженной господской системой воспитания и образования, в России давно уничтожены. Мы сегодня имеем дело с мимикрией, с пародией, с карикатурой, с вульгарной формой при полном отсутствии нравственного наполнения. Население страны номенклатура рассматривает как помеху для присвоения общественного богатства и, соответственно, доходов во все более крупных размерах, причем без всякого повышения общественной полезности своего труда. Поражает крайняя, безграничная жадность этих людей, в своё время бывших, как и все мы, рабами тоталитарного режима и вдруг получивших невиданные, бесконтрольные шансы приобрести богатство. Причём, не напрягаясь, а только нагнуться и поднять.

Все это не может не вызвать ответной реакции со стороны населения, которое не без основания считает представителей номенклатуры ворами и бездарными людьми, поскольку они, присвоив подавляющую часть общественного богатства, не смогли обеспечить хотя бы дореформенный уровень экономического развития страны и доходов простых людей.

Наиболее богатые люди в России появляются не вследствие талантов и трудолюбия, а подобно другим номенклатурщикам — высшим чиновникам — назначаются верховной властью. Именно поэтому для них не подходит термин «элита». Ведь элита — это те, кто высоко поднялся благодаря таланту, трудолюбию и человеческой порядочности. Существует неформальный институт, согласно которому высшие чиновники не несут никакой ответственности за результаты своей деятельности, а олигархи привлекаются к суду только в том случае, если они действуют в интересах оп-

позиционных сил. Это не может не вызывать растущего общественного протеста. Классовые антагонизмы, описанные К. Марксом, нарастают потому, что социально-экономическая динамика в России удивительным образом напоминает описанный Марксом и Энгельсом процесс первоначально накопления капитала. В странах, о которых они писали, сейчас происходят совершенно другие процессы. А Россия бездумно повторяет чужую историю 300-летней давности.

В условиях рынка невысокий уровень доходов и накопленного богатства у большей части населения, помимо снижения мотивации к труду, должен оказывать тормозящее воздействие на темпы построения общества знаний. Можно ожидать, что с ростом дифференциации по уровню доходов и богатства у узкого слоя населения при бедности его большей части, к которым относится поголовно вся масса творческих работников культуры и искусства, ещё более углубится из-за сокращения общественных затрат на образование, научные исследования, поддержку просветительской системы культуры: музыкальных школ, колледжей, консерваторий. А отсюда, как следствие – снижение инновационной активности, в том числе изобретательской, творческой деятельности, а также увеличение затрат на обучение в музыкальных и гуманитарных вузах и рост числа уже сформировавшихся мастеров и талантливой молодёжи, выезжающих на постоянное место жительства на Запад.

Исследование динамики индекса неравенства для США и России выявило следующие закономерности.

В США снижение социальной динамики в обществе стало особенно заметным к середине 1990-х годов: перспективы роста имели отдельные группы высококвалифицированных специалистов, окончивших университеты и колледжи, однако у тех, кто начинал трудовую деятельность с должностей нижнего уровня, даже после окончания средней школы, возможностей дальнейшего роста практически не стало (их почасовая заработная плата часто не превышает 4–5 дол.). В настоящее время принадлежность к определенной социальной группе зависит главным образом от уровня образования. В результате в США резко увеличилась

доля рабочих с низким уровнем доходов, на нижней границе прожиточного минимума (до 15 тыс. дол. в год – к этой категории в середине 1990-х годов относилось более 25% всех рабочих).

Для России аналогичные оценки менее точны из-за наличия значительного теневого сектора и сокрытия доходов, особенно наиболее богатой частью населения после 1990 г., а также вследствие распространения внеэкономических способов повышения доходов до 1990 г. Однако даже с учетом этих погрешностей их близость к индикаторам США – весьма показательна (в России в 2004 г., по данным Росстата, коэффициент Джини был 40,7, а в США в 2000 г. – 40,8, увеличившись на треть по сравнению с 1970 г.). При этом более точные оценки с использованием данных обследования RLMS, проведенного С. А. Айвазяном, говорят о значительно более высокой концентрации доходов у богатой части населения.

Подтверждение этому – данные о доходах 250 кандидатов в депутаты Государственной думы РФ: 81,5% доходов сконцентрировано у 20% наиболее богатой части депутатов, каждый из которых получает доход в среднем в 17,6 раз больший, чем более бедные 80% депутатов, и в 52 раза больше по сравнению с 20% наиболее бедных депутатов. Особое внимание должно быть обращено на огромный уровень расслоения населения в Москве, где индекс Джини равен 62,7, что выше, чем в Нигерии (50,6), Бразилии (58,5), ЮАР (59,3) и соответствует уровню таких африканских государств, как Ботсвана (63,0), Центральная Африканская Республика (61,3), Свазиленд (62,9), Сьерра-Леоне (62,9). Занимающая второе место по размеру социального расслоения населения Тюменская область имеет показатель, близкий к уровню Филиппин, Кыргызстана и Нигерии. Таким образом, можно говорить об усилении социального расслоения населения, что свидетельствует отнюдь не о гармонизации жизни страны, а о ее патологическом состоянии.

И как катастрофический приговор выглядит нынешняя ситуация: деньги из России вымываются в сферы удовольствия власть и деньги имущих, при этом в глобальном рын-

ке высоких технологий (объем которого сегодня на планете – 3 трлн дол.) на долю РФ приходится лишь жалкие 0,3%, притом, что три страны мира полностью его поглотили – США, Япония и Германия (39%, 30% и 16% – соответственно). В 2006 г. по показателям «технологического индекса» страна тысячелетней цивилизации, страна высокой духовной культуры и научной мысли, имеющая собственные традиции образования, переместилась на 67-е место в мире после Намибии и Ботсваны!

Конец меценатства

Сейчас можно с грустью констатировать, что время спонсоров и меценатов всей подлинной музыки – академической, камерной, хоровой, народной, этнической, и, конечно же, джаза – кануло в Лету.

Как сказки сохранились воспоминания о купцах и промышленниках конца XIX и начала XX веков в России. Но Морозовы, Сойкины, Демидовы, Елисеевы, Абрикосовы, Бахрушины не могут появиться в постсоветском пространстве. Капиталы этих выдающихся русских предпринимателей накапливались десятилетиями, приумножаясь от поколения к поколению, формируя династии, которым отечественное искусство было в радость – театр это, музыка, живопись или древние иконы.

Происхождение же новорусского капитала «официально» неведомо, хотя хорошо известно, что оно подчас криминально, гигантские состояния появились из ничего, а бесчисленные газетные публикации весьма доказательно утверждают, что по некоторым владельцам этих фантастических состояний давно уже тихо плачет Уголовный кодекс, даже вновь отредактированный. Этим – не до меценатства. Многочисленные благотворительные фонды в России, призванные поддерживать искусство, в своем большинстве финансируются из-за рубежа, в них обосновалось немало прилипал и хапуг. По меткому выражению Анатолия Друзенко¹, «теневая экономика рождает теневую благотворительность». Либо эта благотворительность носит корпоративный характер. То есть, долг

¹ Литературная газета. 10–16.12.2003.

одного ООО, к примеру, за недопоставку труб или кирпича для другого ООО частично переводится на счет какой-нибудь библиотеки, Дома культуры или филармонии. А там уже свои счета. Свои денежки дороже, и наши современные миллиардеры на роль спонсоров серьезного искусства даже не претендуют.

К тому же объектом финансовой поддержки богатых становятся почти исключительно маргинальные артисты и музыкальные группы, более известные своим эпатажем, нетрадиционной сексуальной ориентацией, нежели талантом. Бизнес покупает то, что ему ближе, роднее и понятнее, что соответствует его понятиям об искусстве. Потому что выбиться из грязи в князи еще возможно, но научиться знать, ценить и понимать тонкие материи – на это и всей сытой жизни может не хватить. Поэтому новые богатеи не дадут денег ни на программы джазовых просветительских радиои телепередач, ни на издание книг, ни на выпуск записей отечественного джаза. Впрочем, то же самое можно сказать и об академической музыке, живописи или литературе. В лучшем случае они могут расщедриться на финансирование концерта с участием какого-нибудь известного музыканта, лучше зарубежного, чтобы лишний раз показать себя властям в роли меценатов и «потереться о пиджак искусства».

Утверждение рыночных отношений любой ценой толкает талантливую личность обратиться исключительно к поиску хлеба насущного. Но чтобы хлеб купить, нужны деньги, а чтобы они были, нужно что-то продать. Творческий человек может продать только свой талант. В результате нам навязывается представление о культуре и искусстве как о некоем товаре, которым можно торговать, как торгуют водкой, памперсами, табаком или картошкой на рынке. Как ответная реакция на абсолютную власть денег и массификацию культуры появилась агрессивная и репрессивная культура: теперь на Руси талантливо воспевают вора и ищут россыпи бриллиантов в душах преступников и гомосексуалистов – в песнях, в книгах, в кино, на радио и телевидении. Круг безысходности замкнулся: все, что за его границами – классика, народное искусство, джаз – под-

лежит списанию в резервации, где будут обитать сплошные идеалисты, тоже обреченные на вымирание.

Массовая культура, предназначенная для нового мутировавшего российского сапиенса с его минимальным набором внутренних потребностей, пыльным цветом благоухающая на развалинах культуры национальной, культуры предыдущих поколений и щедро финансируемая из частных и государственных источников, — явление не столь безобидное, как может показаться. Поставленная на поточное производство, оккупировавшая все без исключения (в том числе и государственные) электронные средства воздействия на внутреннюю, эмоциональную сферу человека, продукция маскульты несет в себе мощный и управляемый негативный потенциал, если и не разрушающий пока тонкую внутреннюю субстанцию, связывающую человека с Богом, то калечащий ее наверняка. «Банальность современной легкой музыки строжайшим образом подвергается контролю, чтобы ее продажа могла быть обеспеченной, что налагает на нее печать вульгарности. Тупость глубокомысленно продумывается и возводится в степень квалифицированными музыкантами. Последних в области легкой музыки гораздо больше, чем это признает серьезная музыка с ее чувством превосходства. Но стандартизацию легкой музыки ввиду ее очевидного примитивизма нужно истолковывать не только с точки зрения имманентно музыкальных закономерностей, сколько социологически. Она стремится к стандартизации реакций»². И, добавим, к культурному одичанию общества, признаки которого видны невооруженным глазом.

Академик Б. В. Раушенбах напомнил обществу прописную истину — гибель империй (и государств) начиналась с гибели культуры. Исторические примеры: Римская, Османская и Австро-Венгерская империи стали мгновенно распадаться, когда пресыщенная верхушка и властвующая каста со своей камарильей и профессиональными холуями увлеклась собственным обогащением, забыв о нуждах народа, предалась разврату и той низкой, примитивной субкультуре, которая увлекала только их.

² Адорно Т. Социология музыки. М.-СПб, 1999. С. 32.

Трагическая судьба отечественного джаза

Конец 80-х годов XX века стал для российского джаза временем неожиданной эйфории. Джаз исполняли музыканты, самые разные и непохожие друг на друга, их приветствовала благодарная публика, и всем этим музыкальным буйством управляла пара-тройка менеджеров. В крупных городах России появились места, где джаз можно было играть беспрепятственно и сколько душе угодно, открылись эстрадно-джазовые отделения музыкальных колледжей.

Появился и новый элемент в этой праздничной мистереии – коммерческий интерес играть джаз! Разумеется, он для советских музыкантов существовал и раньше в виде праздничных вечеров, торжеств, презентаций, раутов, свадеб. Состоятельный советский обыватель позволял себе иногда побаловаться джазом и платил за это наличными. В то же время за выступления на филармонических концертах и на фестивалях джазмены получали символические гонорары.

При существовавшей тогда государственной системе финансирования всего и вся официально непризнанным творческим работникам (музыканты, художники, писатели и т. д.) от бюджетного пирога не доставалось ни копейки. Поскольку джазовые ансамбли считались тлетворным проявлением западного духа, то джаз в этой иерархии «ценностей» был обречен морально и уничтожался финансово. Ему раз и навсегда определили место на задворках. Джазмену, если у него не было постоянного источника заработка в какой-нибудь государственной организации, чтобы выжить, была одна дорога – в фирменный ресторан или в кабаk, на самое дно музыкальной жизни. На этом дне он часто деградировал и погибал от безысходности как творческая личность, а иногда и в прямом смысле слова.

Однако заметим, что во всех странах джаз всегда был и остается средством извлечения прибыли. Даже в цивилизованных и богатых странах лишь немногие виды музыкального искусства, да и искусства вообще, субсидируются за счет государственного, общественного или частного

покровительства. И тем не менее музыкой зарабатывают, в том числе и большинство джазовых мастеров. Есть масса возможностей реализовать творческий потенциал и обратить на себя внимание множества специализированных джазовых изданий, фирм звукозаписи и продюсеров. Существуют целые системы поиска и воспитания джазовых дарований – и эти системы и творчески, и коммерчески себя оправдывают.

В России – все не так, как надо. В кадастре о профессиях само понятие «джазовый музыкант» вообще не упоминается. Джазовый музыкант, даже с высшим музыкальным образованием, целиком зависит от случайных заработков. Редкие исключения только подтверждают это правило. Джазовые музыканты не объединены в профессиональные организации, никакой профсоюз, как в США, их права не защищает, а рынок весьма жесток, поэтому даже самые интеллигентные из них считают необходимым подчиниться закону естественного отбора, хотя «по жизни» он – как раз неестественный.

В этих условиях выживает сильнейший – не самый талантливый, а самый нахрапистый, самый наглый. Отсутствие узаконенных норм оплаты труда особенно сильно бьет по творческим натурам, не желающим идти проторенными музыкальными путями. Бескомпромиссные в своих творческих воззрениях мастера, а они, как правило, и двигают джаз вперед, часто подчеркивают, что подлинное искусство имеет дело с духовными, нежели с материальными ценностями. Творчество таких персон, естественно, не всегда соответствует потребностям экономической системы, моды, властных вкусов и окаменелых эстетических норм, соответственно, их произведения очень трудно превратить в материальные ценности. И эти творения, назовем их новым видением будущего, пропадают бесследно. На рынке им нет места. По крайней мере, до тех пор, пока в обществе не вызреют иные ценности вместо нынешних, что гипотетически возможно, но только в отдаленном будущем.

И все же попытаемся, исходя из сегодняшних печальных реалий, дать попытку прогноза.

О перспективах: кому нужна серьезная музыка?

Весьма скромный общественный и финансовый статус джазового музыканта в России едва ли в обозримом времени будет изменен. Единственный социальный слой, испытывающий к джазу явную и традиционную симпатию – весьма неопределенный средний класс и исчезающая, деградирующая интеллигенция – барахтается в собственных нескончаемых материальных проблемах, пытаясь выжить там, где выжить принципиально невозможно, не потеряв лица. Сами джазмены на радикальные действия в защиту своего положения вряд ли способны. Остальных их судьба мало интересует. Другие социальные группы, «торжествующая масса», по словам Г. Маркузе, свои эстетические пристрастия давно выразили финансово, предпочитая Пугачеву, «Фабрику звезд», Сердючку, больного наркомана Шуру, дуэты и трио несчастных юношей и девушек патологической сексуальной ориентации, воровские «шансоны» и несть им числа.

В начале прошлого века писатель Д. С. Мережковский с ужасом провозгласил пришествие в Россию «Грядущего Хама». Но вот хам пришел, расположился в первом ряду и заказал репертуар. Нам остается – кому рукоплескать, кому – изумляться, кому – содрогаться. Пока – выбора нет. Правда, многие наши джазовые музыканты, и новосибирские тоже, чтобы окончательно не опуститься на дно, летом уезжают в страны Европы, играют на площадях, в парках, на пароходах, и никто из них хотя бы на пару месяцев не обделен ни вниманием, ни деньгами. Но это, разумеется, унижительный для творческого человека паллиатив.

Большое значение для судьбы и будущего джазового музыканта имеет само это смутное время, когда базовые моральные ценности общества подвергаются агрессивной атаке, а материальный фактор в жизни людей занял главенствующую роль. Люди при власти и деньгах, как правило, вовсе не нуждаются в серьезных видах искусства, удовлетворяясь примитивным звукоизложением и простейшими мыслями. И сама джазовая аудитория измельчала, на концертах стало появляться множество случайных зрителей, среди которых молодежь составляет

незначительный процент. Поэтому рядовые концерты собирают полупустые залы. Большая часть бывших посетителей джазовых концертов и фестивалей эмигрировала. Очевидно, что джаз как музыкальный феномен скоро станет искусством для своих, для крошечных групп людей, и займет подобающее ему место в системе андеграунда. Это объяснимо.

Джаз в нашей стране в 60–80-е годы фиксировал некие противоречия социального и интеллектуального характера, как это было в Штатах во время вспышки черного джазового авангарда, которая совпала с мощными социальными взрывами негритянских масс. У нас нечто подобное происходило тихо, интеллектуально, но без взрывного социального фона и, естественно, без яростных расовых напряжений. То есть джаз был оппозиционен официальной идеологии и ее носителям, но эта оппозиция носила скрытый, недемонстративный, опосредованный и спонтанный характер. Джаз исполняли, и джазовую музыку энергично воспринимали достаточно молодые образованные люди в возрасте до 25–30 лет. И тех, кто был на сцене, и тех, кто находился в зале, можно назвать идеалистами, которые искренне верили, что с помощью такой музыки можно изменить некий порядок вещей, который они осознанно или интуитивно не принимали.

Этот идеализм джазовых шестидесятников был сокрушен в 90-е годы, когда краткий миг желанной свободы обернулся свободой торговать собой в обмен на крохи материального благополучия. Наступил век сугубых реалистов, хорошо хоть – не социалистических. Но только идеалисты и могут двигать искусство вперед, и джаз тут не исключение. Реалисты, прагматики в джазе – это только строители, исполнители, а пользуются они чертежами, созданными и выстраданными архитекторами-идеалистами.

Нынешняя молодежь, которая могла бы заполнить залы джазовых концертов, – это тоже далеко не идеалисты, а дети постперестроечного времени. Для джаза эта категория слушателей потеряна. Ее интересы, за нетипичными исключениями, лежат не в интеллектуальной, а в финансово-обогатительной сфере. Ее эмоциональный инструментарий давно уже отшлифован и заблокирован тысячами модных

дисков и попсытиной, круглосуточно звучащей на 15 радиостанциях только одного Новосибирска, не считая телевидения, где давно уже не в почете музыка как таковая.

Всеобщее падение интереса к классической музыке в целом и к джазу, в частности, связано с тем, что русскую культуру в школах не преподают, что гуманитарные предметы признаны второстепенными, что на телевидении запретили общеобразовательные передачи как не приносящие прибыли. Но главное и самое печальное в том, что государство перестало навязывать свою «культурную волю» гражданам. Оно устранилось от диктатуры в этой области – единственного вида диктатуры, которую одобрило бы подавляющее большинство общества. Еще недавно на русской культуре росли школьники. Культура не только приносила удовольствие. Она воспитывала. Недавно произошел сдвиг. Отменена цензура. Внутренняя цензура у деятелей культуры не родилась. В одночасье русская культура стала субкультурой, культурой деревни, с потугами на имитацию Запада.

Музыкальная субкультура России – это «культура» низов общества, которому навязали западные музыкальные шаблоны. Сегодня молодежная городская среда – основной потребитель «легкой музыки», будь неладно это слово – формируется большей частью из бывшей сельской необразованной молодежи, которая покинула деревни и пригороды в поисках денег и удовольствий, поскольку село вымирает, и из вчерашних школьников с весьма неопределенным социальным статусом в перспективе. Нечто подобное происходило в тридцатые и послевоенные годы прошлого века, когда опять же из деревень в города кинулась нищая гольтьба (через систему оргнабора на стройки промышленности и через систему фабрично-заводского образования). В ее среде и родился городской блатной музыкальный фольклор люмпенов, и процветал он до тех пор, пока власть не сообразила, что «муркам» надо противопоставить произведения с иным социальным подтекстом.

Сегодня этот процесс при полной беспомощности чиновников от культуры стал неуправляемым: где еще, кроме России, ведется столь откровенная пропаганда «ценностей»

уголовного мира? Планка критериев искусства для масс упала до предела низко. Хотя, как говорил в иные, но тоже нелегкие для России времена А. П. Чехов, «надо не искусство спускать до народа, а народ подымать до искусства». Впрочем, кто сегодня читает классиков?

Искусство джаза (как и другие виды серьезной музыки) может развиваться только в богатых или относительно богатых странах, где есть люди, сообщества или организации, способные и желающие его поддержать. Признаемся друг другу, что Россия всегда была страной бедных и таковой остается. И джаз в России – это музыка бедных для бедных. Здесь наши предшественники и мы почти 90 лет растили и лелеяли на снежных просторах, в резко-континентальных условиях, в рискованной зоне эту экзотическую джазовую пальму, но она, похоже, все же зачахла. И условия, и зона – не для нее!

Джаз в СССР – России, и в центре, и особенно на периферии, развивался трудно, иногда уродливо, десятилетиями преодолевал гнет властных структур, чуть ли не умирал, уходил в анабиоз, вновь возрождался, наконец, был узаконен и в конце XX века пустился в свободное плавание по долгожданной водной глади весьма своеобразной российской рыночной экономики. Под гладью оказались рифы, и самый неожиданный из них – тотальная коммерциализация музыкального искусства в России, особенно убийственная для джаза. Бытие джазовых музыкантов в России целиком определяется финансовым фактором. Играть джаз для себя, для души, для поклонников – это теперь только частный и редкий эпизод в жизни джазмена. Все остальное время отдается поиску заработка, но если таковой находится, то это вовсе не джазовое музицирование. Когда первоклассный джазовый барабанщик, чтобы прокормить семью, вынужден вечерами играть в кабацком ансамбле для пьяной публики – это нонсенс. Когда талантливый саксофонист, чья музыка записана на нескольких дисках, «прописан» в ночном клубе и в компании с начинающими рокерами ублажает участников корпоративных вечеринок – это оскорбительно для его дарования, и он это хорошо понимает. Но – надо жить, надо выживать.

Ясно, что в таких условиях ни о каких поисках новых путей в джазе вообще и в своем личном творчестве в частности мечтать не приходится. Это – не время созидателей и первопроходцев. Джаз обречен на стагнацию, а раз так, то он неминуемо вернется в лоно популярной музыки, что уже происходит, и не только в Новосибирске.

Апокалиптические для джаза и для серьезной культуры в целом, эти прогнозы между тем не должны вызывать чувства крайнего пессимизма. Новое всегда скрыто в том, что имеет корни. Новое даже в стагнирующем искусстве присутствует всегда. Джаз, не претендующий на массовость, на огромные залы и на огромные тиражи, играть будут еще необозримо долго. Для людей с определенным складом психики джаз, очевидно, – это единственный способ самовыражения, а самовыражение – это единственное, чем будут заниматься художники будущего, оставив все остальное массовой культуре. Очевидно, что в будущем станет возможным только существование единичных джазовых ансамблей и небольшого количества артистов, да и то в крупных городах. Это будет искусство ограниченного меньшинства для еще более ограниченного меньшинства.

Достаточно ярким примером уровня музыкальной культуры и культуры вообще стал 9-й (!) Российский экономический форум в Лондоне в мае 2006 г. Уже сам факт, что российский форум проводится за пределами России, говорит сам за себя. Для этого «форума» был отобран весьма любопытный состав для неформальной части. Вы, полагаете, там были В. Спиваков, Н. Петров, В. Репин, Д. Голощекин, Д. Мацуев? Нет – Амалия, Шнур, группа «Ленинград» и т. д. Как отметил корреспондент «Новой газеты»³, «апогеем тусовки на форуме можно признать дискуссию, прошедшую в сотрудничестве с глянцевыми журналами “Вог Россия” и “GQ”. На обсуждении темы “Роскошь как национальная идея России” зал, рассчитанный более чем на 200 человек, был забит под завязку. Господин Усков, главный редактор “GQ”, рассказывал, что в нашей стране уже народился ЦЕЛЫЙ КЛАСС “золотых

³ Новикова Н. Гламур как национальная идея // Новая газета. 2006. N 17.

воротничков”, для которых потребление продукции люксов стало жизненным приоритетом...» Господин Усков свидетельствовал о новой идеологии элиты: «Нет ни правых, ни левых, есть winners (англ. «победители») и losers (англ. «неудачники»)».

Гениальнейший Гоголь восклицал: «А что будет с нами, если музыка покинет нас?». А то и будет, Николай Васильевич: назад – к парнокопытным!

«ЭКО»-информ

Уровень бедности¹: международные сравнения

	Год	Коэффициент Джини		Год	Коэффициент Джини
Россия ²	2003	40,2	Китай ³	2001	44,7
	2004	40,7	Япония ²	1993	24,9
Беларусь ³	2004	27,0	Египет ³	1999–2000	34,4
Великобритания ²	1999	36,0	Нигерия ³	1996–1997	50,6
Германия ²	2000	28,3	Танзания ³	1993	38,2
Украина ⁴	2004	32,0	ЮАР ³	2000	57,8
Франция ²	1995	32,7	Бразилия ²	2001	59,3
Чехия ²	1996	25,4	Канада ²	1998	33,1
Швеция ²	2000	25,0	Мексика ³	2000	54,6
Индия ³	1999–2000	32,5	США ²	2000	40,8

¹ По всем странам, кроме России, Беларуси и Украины – оценки Всемирного банка, основанные на национальных данных обследований домашних хозяйств.

² Распределение денежных доходов по 20%-м группам населения, ранжированного в порядке возрастания среднедушевых денежных доходов.

³ Распределение потребительских расходов по 20%-м группам населения, ранжированного в порядке возрастания среднедушевых потребительских расходов.

⁴ Распределение денежных расходов по 20%-м группам населения, ранжированного в порядке возрастания среднедушевых денежных расходов.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Стат. сб. / Росстат. – М., 2005. С. 495–496.